

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Личность как автопроект

Размышления, обсуждения, дискуссии

Продолжаем публикацию материалов Круглого стола «Личность как автопроект», проведенного редакцией журнала совместно с факультетом психологии МГУ им. М.В. Ломоносова 29 – 30 июня 2009 г. В предыдущем номере были опубликованы два основных доклада и некоторые дискуссионные материалы. В этом номере мы публикуем материалы второго дня Круглого стола.

ЛАБИРИНТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: НЕ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ИДЕНТИЧНОСТИ, А ИДЕНТИЧНОСТЬ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Как соотносятся стратегии социальной идентичности, определения себя через принадлежность к социальной группе, и стратегии личностной идентичности?

Суть первой хорошо выражает бессмертная царская реплика из фильма Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию»: «Ты чьих будешь?». За стратегией социальной идентичности стоит, как правило, неосознаваемая стратегия отказа от собственной личности или, по меньшей мере, ее умаления, минимизации в мире больших социальных групп. «Почувствовав всеобщее осуждение, личность забилась, заперлась и исчезла. Она причиняет горе не только себе, с чем бы смирилась, но и близким»². Еще в начале 1940-х годов Э. Фромм описал это явление в своей знаменитой книге «Бегство от свободы»³. Бегство от свободы – одновременно бегство от ответственности, от сознания, от личности, от инди-

¹ Печатается в сокращении. Полностью статья будет опубликована в планируемом отдельном издании материалов Круглого стола.

² Жванецкий М. Собр. произведений. В 4 т. Т. 3. Восьмидесятые. – М.: Время, 2001. – С. 311.

³ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990.

видуальности, от идентичности. В наиболее ярких формах этот феномен проявляется в экстремальных ситуациях. То, что происходит в ситуации паники, многие авторы описывали через психоаналитическое понятие регрессии, т.е. возвращения к ранее пройденной стадии, эволюционно более древней, более примитивной. Человек в этой ситуации как бы отбрасывает свои характеристики как личности, отказывается от своей эмансипации, сливается с другими в единую толпу, которая бежит неизвестно куда. Другой столь же типичной ситуацией слияния, слипания в единое коллективное Я, служат многие уже упоминавшиеся выше формы подростковой социализации. На определенном возрастном этапе, когда человек еще недостаточно созрел для того, чтобы почувствовать себя личностно полноценным и уверенным в одиночку, он может чувствовать себя хорошо, уверенно, нормальной, полноценной личностью, только сливаясь с какой-то группой. Ему хорошо, он ощущает себя частью единой коллективной личности. Он не принимает решения вне группы.

В социальной психологии описан феномен сдвига риска: как показывают эксперименты, группа делает более радикальные, более экстремальные выборы, чем выбор ее любого члена, опрашиваемого по отдельности. Причина этого в том, что принятие решений всегда основано на принятии ответственности. Высказывая мнение от себя, человек взвешивает следствия, принимает на себя ответственность. А когда принимает решение группа, происходит диффузия ответственности, потому что ответственность может быть только личной. Исследования, посвященные альтруистическому поведению, приводят к однозначным выводам: если что-то произошло, если вам стало плохо, нужна помощь, а вокруг идут люди, не останавливаясь, нельзя звать на помощь просто, ни к кому не обращаясь. Выберите любого человека, смотрите на него и обращайтесь лично к нему и вероятность того, что к вам придут на помощь, возрастает в несколько раз⁴.

Только с возрастом массовая потребность слиться в группу и чувствовать себя хорошо в группе своих теряет такую императивность. Собственная личность человека успевает созреть в такой степени, что вопрос нормального самоощущения человека перестает зависеть от слияния с группой. Это, правда, бывает далеко не со всеми: инфантилизм, отказ от ответственности, уход в зависимости и другие формы бегства от личности приняли в современном мире характер эпидемии. Массовое бегство от личности

⁴ См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: уроки социальной психологии. — М.: Аспект-Пресс, 1999.

в социальные группы, связанное с неустойчивостью мира, встречает полную поддержку со стороны людей, имеющих власть, потому что на всех уровнях властных отношений намного легче иметь дело с русскими, белорусами, евреями, православными, мусульманами, кавказцами, югославами, бюджетниками, предпринимателями, бандитами, военными и т.д., чем с личностями. «Диктатору всегда легче управлять коллективом, чем одной личностью. Одна личность может сопротивляться больше, чем парламент... Личность сильнее коллектива»⁵.

Сила социума и потребность в зависимости от него коренится в отношениях младенца с матерью, которые Э. Фромм характеризовал понятием «психологический симбиоз», по аналогии с биологическим симбиозом, пример которого являют отношения между беременной женщиной и плодом. «При психологическом симбиозе тела не связаны друг с другом, но существует сходная психологическая привязанность»⁶. Ребенок, появившийся на свет, родился еще не полностью. Эмансипация, выделение человека из изначального симбиоза идет постепенно. Сначала происходит биологическая эмансипация — разрыв пуповины, знаменующий рождение нового существа. Далее идет физическая эмансипация — сначала на уровне тонической мускулатуры, затем общей моторной активности, ребенок становится способным активно перемещаться. Следующие этапы эмансипации связаны с постепенным обретением самостоятельности сначала на уровне операций, затем постановки целей, наконец, смыслов и глобальных ориентаций. Они одновременно связаны и с преодолением зависимости от социальных групп и структур. Только в результате этой эмансипации человек может стать действительно самостоятельным, автономным, стать, в конечном счете, личностью. «Человек — существо автономное, и на протяжении всей жизни ваша автономность все более увеличивается. Это можно уподобить космическому аппарату: поначалу на него в известной степени действует сила притяжения — к дому, к базе, к вашему, естественно, Байконуру, но, по мере того как человек удаляется в пространство, он начинает подчиняться другим, внешним законам гравитации»⁷. Последовательная эмансипация от всех форм симбиотической зависимости предстает, таким образом, как единый вектор личностного развития, на разных его этапах получающий разные конкретные проявления.

⁵ Лихачев Д.С. Россию можно называть Скандовизантией. Интервью Радио Швеции. Первая публикация // Новый меценат. 2006. № 9. — С. 54.

⁶ Фромм Э. Искусство любить. — СПб.: Азбука, 2001. — С. 89.

⁷ Бродский И. Большая книга интервью. — М.: Захаров, 2000. — С. 472.

Личностная стратегия идентичности начинается с того, что я обнаруживаю, что есть Я и одновременно, что есть не-Я, обнаруживаю некоторую границу между мной и не-мной, между тем, что я обозначаю понятием «Я», и тем, что не обозначаю им. Эта граница имеет довольно сложную структуру, выполняя одновременно две функции: самоотождествления и отграничения себя от другого. Еще Уильям Джеймс, первый исследователь проблемы «Я» в психологии, дал такое операциональное определение: «Я — это все, что человек может назвать своим»⁸. Это не только мои психологические характеристики, но и лицо, и одежда, и душа и мысли, и семья, и собственность и так далее; все это входит в границы Я. В отдельных случаях расширение границ Я, включение в границы моего Я других людей, интерпретируется как обретение особых прав на них, обретение прав по отношению к этим людям, часто при одновременном непризнании прав этих людей, например, когда родители считают своих детей фактически своей собственностью, и не могут позволить ребенку иметь собственное мнение.

Вторым важным моментом выступает преемственность, связность моего Я во времени. Я сегодня тот же, который был вчера, и, несмотря на возможные изменения, я сохраняю тождественность самому себе. Это не означает, что я всегда одинаковый, это означает только, что я один и тот же человек. Это означает в частности, что я несу ответственность за свои слова, что я могу планировать что-то, что я могу проектировать себя в будущем и брать на себя какие-то обязательства. Если я когда-то занял деньги, а потом говорю, что не буду возвращать, потому что я был другим человеком тогда, а сейчас понял, как был тогда не прав, это будет нарушением самотождественности. Я не могу сказать, что я захочу съесть завтра на обед, но я могу принять решение, что завтра я буду есть то-то независимо от того, чего я буду хотеть, исходя из того, что есть в доме, чтобы не напрягать окружающих своими капризами. Таким образом, в определенных пределах я могу обеспечивать своей ответственностью тождественность самому себе и подтверждение своих слов в будущем. Как отметил М.М. Бахтин, обязывает не содержание обязательства, а моя подпись под ним.

Далее, у каждого из нас есть образ своего Я, который складывается из какого-то количества словесно формулируемых атрибутов. Мы описываем себя через характеристики внешности, черты характера, знаки зодиака, достижения, способности, вкусы, вредные привычки и т.д. При этом подобные самоописания вы-

⁸ Джеймс У. Научные основы психологии. — Минск: Харвест, 2003.

полняют в основном коммуникативную функцию, и они также могут расщепляться, порождая еще один лабиринт идентичностей. Дело в том, что в зависимости от контекста и от ситуации коммуникации, те или иные характеристики Я могут быть или не быть значимыми. На основе одного Я могут параллельно строиться разные образы Я. Когда я иду наниматься на работу, и менеджер по персоналу просит меня рассказать о себе, когда я знакомлюсь вечером с девушкой, и девушка говорит: «Расскажи о себе», когда я иду на прием к психоаналитику и слышу то же от психоаналитика, я говорю разные вещи. Я воспринимаю себя всегда в контексте определенного взаимодействия, коммуникации. Есть разные ситуации, в которых я разный. И это не значит, что одно подлинное, а другое — искусственное. Но ключевой вопрос в том, есть ли в нашем Я что-то помимо этих образов.

Каждый из нас распят на кресте собственного образа, говорил М.К. Мамардашвили, имея в виду восприятие нас другими, но и гвоздь самовосприятия держит нас так же прочно, как и остальные. Я однако не обязан быть таким, каким я сам себя видел, я могу измениться, пусть даже из простого, упрямого протеста. И я могу делать что-то, не опирающееся на мой образ Я, тем более на ожидания других, найдя в глубине себя точку опоры. Об этой точке опоры писали многие мыслители. Р. Мэй описывал ее как «внутренний центр», М.К. Мамардашвили — как «точку сборки», но наиболее содержательную характеристику точки опоры Я дал М.М. Бахтин⁹. Это моя единственная точка в мире, то место в мире, которое я занимаю, и которое не занимает никто другой. Это единственное место, из которого я исхожу, а другие его находят. Это центр поступка, это центр, вокруг которого архитектурно выстраивается мир, это точка отсчета мира. Только вот с этого места, где я нахожусь сейчас в мире, я могу с миром взаимодействовать. Я есть там, где я есть, и я не могу это отрицать — делать вид, что меня здесь нет, или что я не здесь, а где-то в другом месте. Бахтин назвал фундаментальный факт существования такой точки отсчета «не-алиби-в-бытии». Алиби — это доказательство того, что меня там не было. Не-алиби — это доказательство того, что я есть в мире и не могу это отрицать.

Таким образом, ключевым моментом личностной идентичности, делающим вообще возможным ответ на вопрос «кто я» иначе, чем через принадлежность к социальным общностям, выступает переживание в себе точки опоры, источника активности и

⁹ См.: Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. — М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. — С. 7 — 68.

ответственности. Я — это то место, откуда начинается поступок, а ответственность — это восприятие себя как причины этого поступка помимо имманентных причин и необходимостей. Но если человек не ощущает себя как центр поступка, если его Я — это лишь образы Я и социально-ролевые самокатегоризации, то с него не может начаться поступок. Он просто реагирует, а его действия являются следствиями событий в мире, но не их причиной. Проблема «Я» возникает тогда, когда действие выходит за рамки естественных причинно-следственных связей.

Решение проблемы множественных, неустойчивых и нередко конфликтных идентичностей современного человека возможно, если этим займется не представитель некоторого множества социальных групп и общностей, а автономная личность, имеющая в себе точку опоры, независимую от того, в каких социально-ролевых категориях или индивидуальных характеристиках она может дать ответ на вопрос «кто я». Главный ответ личности: «Я — это Я». Это означает, что перед нами человек, имеющий опору и источник активности внутри себя, способный на поступок и принимающий на себя ответственность за него. Идентичность не является проблемой для того, кто ощущает свое Я как внутренний центр помимо любой словесно формулируемой идентичности; он способен разрешать конфликт идентичностей, конструируя свое Я в соответствии со своими ценностями, а не наоборот. Это задачи, не имеющие правильных ответов, и никакие расчеты, прогнозы и экстраполяции не помогут их найти. Единственный путь — максимально трезвое и объемное видение всех альтернатив, их внутренняя «примерка» к себе и чуткое прислушивание к своему внутреннему голосу, хотя эта работа предполагает уровень личностной зрелости, которого достигают далеко не все взрослые. Наличие в обществе критической массы таких людей приведет его к процветанию. Вопрос в том, где взять нужную критическую массу личностей и как обеспечить им режим благоприятствования.